

Но вотъ, что въ голову мнѣ входитъ:  
 Подчасъ за разумъ умъ заходить,  
 А я теперь хоть не пиши,—  
 Заняться вздумалъ я мечтою  
 Нелѣпой, странной и пустою  
 О счастье будущихъ временъ,  
 А настоящія оставилъ  
 Тогда, какъ первый батальонъ  
 Еще палатокъ не поставилъ.  
 И такъ, моя галиматья,  
 Adieu, до будущаго дня!

## VII.

Не зная изстари властей,  
 Повиновенья и князей,  
 Вина мятежныхъ покушеній,  
 Бунтовъ и общаго вреда —  
 Въ кругу шамхаловыхъ владѣній  
 Гнѣздилась дикая орда.  
 На днѣ вертеповъ неприступныхъ  
 Таясь, какъ новый сатана,  
 Таить не думала она  
 Надеждъ и замысловъ преступныхъ:  
 Взирала гордо на позоръ  
 Бунтовщиковъ окружныхъ горъ,  
 Смирѣнныхъ вдругъ единымъ словомъ,  
 И, ненавидя миръ и дань,  
 Въ ожесточеніи суровомъ  
 Она готовилась на брань.  
 Ни жребій явный истребленья,  
 Ни мѣры кроткія главы  
 Побѣдныхъ войскъ и ополченья  
 Въ виду защитной ихъ горы,  
 Ни увѣщанія Тавлинцевъ

. . . . .  
 Не укротили роковой,  
 Отважный бунтъ койсубулинцевъ.  
 Съ вершинъ утесовъ на отрядъ  
 Они смѣются беззаботно,  
 Готовятъ пули и охотно  
 Кинжалы длинныя острять.  
 Ни путь широкій, ни тропины  
 На ихъ высокія стремнины

